

## УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

### СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ<sup>1</sup>

© 2017 г. Иван Анатольевич Клепицкий<sup>2</sup>

*Советская власть лишила граждан собственности на средства производства, заменив ее социальным пакетом. В 1990 г. люди потеряли этот пакет, собственность при этом не была возвращена, уровень жизни упал. Результатами стали нездоровая бедность и глубокая anomia, высокий уровень преступности и ретретизма (самоубийства, наркомания, алкоголизм). Уголовный закон и его применение теряют научное обоснование. Принимается большое количество законов, их качество падает, утрачена стабильность правового регулирования. Причины этого непосредственно связаны с неблагоприятной стратификацией общества. Политика в сфере уголовного права не может решить проблемы с высоким уровнем anomia, преступности и ретретизма. Эту проблему правильно решать в рамках социальной и экономической политики, основанной на независимом и честном мониторинге состояния общества в целом и экономики в частности. Нездоровая стратификация общества повлекла доминирование бюрократии в политической сфере, в том числе в уголовной политике. Парламент утратил свойства политического института и превратился в институт бюрократический (фабрику законопроектов). Он принимает большое количество законов (300—500 ежегодно), эффективность его работы оценивается по количеству принятых законов. Законы и их применение не имеют должного научного обоснования, они нестабильны, судебные решения непредсказуемы. Качество законов падает. Власти пытаются решить проблему высокой преступности, ужесточая законы, используя социальную рекламу и воспитательные меры. Такая политика не может быть эффективной, пока игнорируются причины преступности. Проблемы могут быть решены с помощью адекватной социальной и экономической политики, основанной на учете реального состояния экономики, без радикальных реформ и революций. Противоположные тенденции к ужесточению и гуманизации уголовной политики сталкиваются, разрушая уголовное право. Качество закона может обеспечить профессиональная комиссия экспертов, отслеживающая состояние права и дающая рекомендации по его совершенствованию.*

*The Soviet power has deprived people of their property, replacing it with a social package. In the 1990s, people had lost this social package, they did not get back their property, and their incomes have fallen. The result was an unhealthy poverty and deep anomie, high levels of crime and retreatism (suicide, drug addiction, alcoholism). Perverse social stratification has led to the domination of the bureaucracy in the political sphere. The top of the bureaucracy and affiliated business are creators of policy in modern Russia. Our parliament has lost the nature of the political body and turned into a bureaucratic body (manufacture of bills). It passes a huge number of laws (300—500 acts per year). The effectiveness of the parliament and its committees is seen in the number of laws passed. These laws and their enforcement have no scientific justification, law is unstable, court decisions become unpredictable. The quality of laws falls. State authorities are trying to solve the problem of high levels of crime by the severe laws, social advertising and educational measures. Such a policy can not be effective until real causes of crime isn't eliminated. These problems can be solved with adequate social and economic policies, based on economic realities. It can be done in an evolutionary way without radical reforms and revolutions. Severe policy in area of crime and punishment creates the opposite trend to the "humanization" of criminal laws. Opposite trends collide, resulting in the destruction of criminal law. Politicians need to be engaged in politics, drafting of laws properly left to professionals. The commission of experts is required to keep criminal law under review and to recommend reforms. Law Commission (England and Wales) can be accepted as a good example.*

**Ключевые слова:** уголовная политика, социальная обусловленность, социальная стратификация, бюрократия, качество закона, anomia, преступность, ретретизм, профессионализм.

**Key words:** criminal policy, social purpose, social stratification, bureaucracy, quality of laws, anomie, crime, retreatism, professionalism.

Политика — это осуществление интересов человека (общества в целом, социальных групп, а иногда и конкретного лица) в рамках социального управления при принятии и исполнении значимых

в масштабах общества решений. Уголовная политика есть осуществление этих интересов путем применения к людям наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия: в современном обществе

<sup>1</sup> Проект 1503 проектной части государственного задания на выполнение НИР Министерства образования и науки РФ. Информационная поддержка информационно-справочной системы «КонсультантПлюс».

Project 1503 project part of the state assignment for research work of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Information support the information-reference system «ConsultantPlus».

<sup>2</sup> Профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук (E-mail: oupi@ya.ru).

Ivan Klepitsky, professor of Criminal Law of Moscow state juridical University named O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor (E-mail: oupi@ya.ru).

она является правовой и реализуется в: 1) уголовном правотворчестве (определении круга наказуемых деяний, наказаний и иных мер уголовно-правового характера); 2) применении уголовно-правовых норм.

Уголовная политика — часть политики, обособленная не по целям (определяемым интересом), а по средствам (применение наказаний, т.е. самых жестких, насильственных<sup>3</sup> и при этом нормированных<sup>4</sup> форм принуждения).

Уголовная политика и политика борьбы с преступностью пересекаются лишь частично. С одной стороны, уголовная политика создает преступность, очерчивая круг наказуемых деяний. С другой — уголовное наказание не является эффективным средством профилактики преступности. Это — крайнее средство с негативными побочными эффектами.

Широко распространено мнение, что в современной России уголовная политика, как таковая, отсутствует<sup>5</sup>. Научное сообщество на общественных началах пытается исправить ситуацию, в частности разработана Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации<sup>6</sup>. К сожалению, этот документ остается невостребованным. С одной стороны, рекомендации слишком абстрактны для практической реализации. С другой — власти не доверяют научному сообществу. Российский чиновник не слушает рекомендации правоведов, ему некогда их слушать, он принял социальную роль реформатора-чудотворца, увлекся правотворчеством и творит законы в большом количестве. В 2010 г. Президентом РФ подписаны 442 федеральных закона, в 2011 — 427, в 2012 — 329, в 2013 — 446, в 2014 — 536, в 2015 — 470<sup>7</sup>. Очевидно, что депутаты принимают и глава государства подписывает законы, как правило, их не читая и не обсуждая, на это просто нет времени.

<sup>3</sup> Любое наказание предполагает насилие, физическое (например, лишение свободы само по себе является физическим насилием) или психическое, угрозу физическим насилием (например, в случае злостного уклонения от исполнения наказания любое наказание может быть заменено более строгим видом вплоть до лишения свободы).

<sup>4</sup> В отличие от репрессий в рамках прямого администрирования, на праве не основанного.

<sup>5</sup> См., например: *Номоконов В. А.* Уголовная политика: пока — имитация // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.).

<sup>6</sup> См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (Дата обращения: 10.06.2016 г.).

<sup>7</sup> Для сравнения: в Соединенном Королевстве королева промульгировала в 2010 г. 41 закон, в 2011 — 25, в 2012 — 23, в 2013 — 33, в 2014 — 30, в 2015 г. — 37.

Политика, в том числе и уголовная, предполагает деятельность осмысленную, системную и целенаправленную. Для осуществления правовой политики нужно:

знать реальную ситуацию (состояние общества и его проблемы);

знать право (законодательство и практику его применения);

планировать и реализовывать необходимые реформы.

*Знать реальную ситуацию* можно при условии, что разумно финансируются независимые эмпирические, социологические и криминологические исследования, используются их результаты. Этого не происходит. Ситуацию в стране отслеживают те же чиновники, жизненно важным интересом которых является не адекватное отображение действительности, а удовлетворение запросов руководства<sup>8</sup>. Полученная от них информация и используется при формировании политики. Как при законопроектной работе, так и при мониторинге ситуации определяющее значение имеет не общественный интерес, а бюрократический интерес “заинтересованных ведомств”.

*Знать действующее право* может грамотный правовед, при условии, что право это в принципе обозримо. К сожалению, наше право этому критерию не соответствует:

— выбрав в форме поиска “вид документа” системы “КонсультантПлюс” “федеральный закон”, получаем 6494 только федеральных закона (плюс 3700 указов Президента РФ, 20 374 акта Правительства РФ и бесчисленное количество ведомственных актов и актов местных властей). В итоге знание права непосильно не только для обывателя, обязанного нормы права соблюдать (нередко под угрозой суровых уголовных или административных санкций), не только для политика, но и для юриста. Узкая специализация юриста не решает проблемы, так как деление

<sup>8</sup> Пример: Официальный прожиточный минимум в г. Москве в IV квартале 2015 г. составил 14413 руб. в месяц на душу населения. При этом цена коммерческого найма однокомнатной квартиры начинается с 25 000 руб. в месяц. Очевидно, что жилище в России с учетом климата является первичной биологической потребностью. Тем не менее ни коммерческий наем жилья, ни ипотека в потребительскую корзину не заложены. Даже если исходить из ложного “факта”, что все россияне жильем обеспечены, и в этом случае социологи отмечают, что официальный “уровень прожиточного минимума является явно заниженным” (см.: *Тихонова Н. Е.* Феномен бедности в современной России // Соц. исследования. 2014. № 1. С. 10).

права на отрасли условно, причем узкий специалист в принципе негоден к правотворческой работе уже в силу своей узкой специализации. Правотворчество требует осознания правовой действительности в качестве целостной системы;

если ежегодно принимается 300—500 только федеральных законов, правила постоянно меняются, ни обыватель, ни политик, ни специалист не смогут отслеживать даже текущие изменения в законодательстве и, соответственно, планировать свою экономическую, профессиональную и иную деятельность;

отсутствует единообразие в применении законов.

В развитых правовых системах единообразное (и, соответственно, предсказуемое) толкование законов обеспечивается признанием в качестве источника права судебных прецедентов (в семье общего права) или уважением к правовой доктрине. В последнем случае практику отслеживают правоведы, к примеру немецкие и французские учебники уголовного права испещрены ссылками на судебные постановления.

В современной России выработать реально работающую судебную и научную доктрину сложно. Стабильной доктрины не может быть ввиду нестабильности законодательства и практики его применения. Получить доступ к судебным актам и даже к статистике правоведов по-прежнему не просто, с опубликованием судебных актов по уголовным делам дело обстоит совсем плохо<sup>9</sup>. Научную уголовно-правовую доктрину некому вырабатывать, так как исследования в этой области не финансируются должным образом, даже в контексте защиты диссертаций ВАК рассматривает такие исследования (жизненно необходимые) как недостаточно “инновационные”. Простое изучение законов и практики их применения, фиксация правовых норм, их уяснение и разъяснение — первейшая задача юриспруденции. Можно долго спорить о том, является ли юриспруденция наукой. Тем не менее это — сложная работа на обширном эмпирическом материале<sup>10</sup>, необходимая для адекватного правового регулирования

и осуществления правовой политики. В результате реформы образования научные работники вузов перегружены нездоровой аудиторной и бюрократической нагрузкой. При этом они вынуждены зарабатывать “на стороне”, что по мере роста этой аудиторной и бюрократической нагрузки становится все более сложным. В итоге грамотных специалистов в науке постепенно, но неуклонно вытесняют люди, не сумевшие найти более престижную и выгодную работу. Они ленятся изучать право и заражены разрушительным вирусом новаторства и реформаторства. Единообразное толкование законов утрачивается, судебные решения становятся непредсказуемыми.

Разумная правовая политика возможна только на основе разделения труда:

1) политик формирует политическую волю и ставит задачу на политическом уровне, исходя из общественных интересов (тут необходимы обратная связь и научное обоснование политики);

2) правотворчество — удел специалиста высокой квалификации. Это — редкий талант, укрепленный на солидной научной основе, это — тяжелая работа, которая должна финансироваться адекватно высокой квалификации специалиста и сложности труда (как выше отмечено, уже сам факт знания права в наше время — далеко за рамками способностей среднего человека);

3) правоприменение — удел специалиста высокой или средней квалификации, добросовестно подготовленного в юридическом вузе, работающего с обозримой и стабильной системой правильных (отвечающих интересам общества) правовых норм, высоконравственного и обеспеченного материально и технически.

К сожалению, эта простая и единственно возможная разумная система у нас не работает, что и позволяет делать вывод об отсутствии уголовной политики. С таким выводом, тем не менее, нельзя согласиться. Уголовная политика осуществляется, принимаются уголовные законы, людей наказывают. Проблема не в существовании политики, как таковой, а в том, что формируется и реализуется она не на научной основе.

Чтобы уяснить существо проблем с уголовной политикой, нужно прежде всего выяснить, кто является ее субъектом. В нормальной ситуации субъектами политики являются социальные группы.

Российское общество имеет неблагоприятную социальную стратификацию, в результате

<sup>9</sup> Хуже, нежели в Российской Империи, где Правительствующий Сенат публиковал хронологическое собрание решений своих департаментов и общего собрания.

<sup>10</sup> Своеобразие эмпирической базы юриспруденции в том, что ее составляют правовые акты, как нормативные (например, законы), так и индивидуальные (например, судебные решения). Нормативная база для правоведения — это часть эмпирической базы, а не теоретической.

Октябрьской революции 1917 г., “шоковой терапии” 90-х годов и последовавшей далее социально-экономической политики (монополизация рынков и бюрократизация экономики) в России практически истреблен средний класс<sup>11</sup>, люди труда<sup>12</sup>: предприниматели, крестьяне, квалифицированные рабочие и специалисты, способные обеспечить себе своим трудом приемлемый уровень жизни. Сегодня к среднему классу можно отнести очень узкую прослойку общества (популярные артисты, нотариусы, успешные адвокаты, вымирающий мелкий и средний бизнес, быстро вытесняемый аффилированными с чиновниками крупными корпорациями<sup>13</sup>).

<sup>11</sup> Актуальным остается вывод, что наши «обществоведы» идеализируют действительность, когда, недооценивая реальность, констатируют появление в России развитого “среднего класса” (см.: Арутюнян Ю.В. О социальной структуре общества в постсоветской России // Соц. исследования. 2002. № 9). Попытки вычленив “средний класс” из бедноты на основании случайных критериев и самооценок (см.: Горшков М.К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Соц. исследования, 2015. № 1) без учета ключевых экономических критериев (например, реальная потребительская корзина с учетом цены аренды жилья или ипотеки) — это не исследование реальности, а построение модели, абстрагированной от существенного. Термин “средний класс” имеет свое функциональное назначение. Средний класс — это социальная основа здорового общества и государства. В классическом понимании это — люди, которые могут обеспечить себя, не продавая свой труд задешево по найму (крестьяне, ремесленники, интеллигенция), в наше время к среднему классу можно отнести и представителей мелкого и среднего бизнеса, членов их семей, но никак не 40% экономически активных россиян. Неправильным представляется и исключение из среднего класса лиц, занятых физическим трудом. По использованным критериям в средний класс попадает “офисный планктон”, зарабатывающий 30 тыс. руб. в месяц, проживающий в хрущевке, которая через пять лет обрушится, но не попадает плотник, работающий на себя, зарабатывающий 200—300 тыс. руб. в месяц, проживающий в новом собственном благоустроенном доме.

<sup>12</sup> Труд в этом контексте понимается широко. Человек труда — это не только наемный работник, но и менеджер собственного бизнеса, крестьянин, ремесленник (см.: Тощенко И.Ж. Социально-профессиональная группа топ-менеджеров: современное состояние и проблемы функционирования // IV очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. М., 2012. С. 3257).

<sup>13</sup> Немногочисленные ремесленники (“свободные” плотники, столяры, сантехники, портные, фрилансеры в сфере IT и др.) и мелкий бизнес с трудом выживают в рамках “теневой” экономики, занимаясь наказуемым «незаконным предпринимательством» и умножая тем самым аномию. Проблема не столько в налогах, сколько в бюрократическом прессинге. Учет и отчетность в России слишком сложные, люди не справляются с учетом и отчетностью и уходят в тень. Полномочия контролирующих и надзирающих органов при этом гипертрофированы, многие виды экономической деятельности чрезмерно зарегламентированы.

Прослойка эта на фоне окружающей бедности довольна своим положением, политически пассивна, малочисленна и не имеет возможности влиять на политику. Она ее терпит, осуждает или одобряет “на кухне”, как это было и при советской власти.

В результате развала сельского хозяйства и промышленности вымерли крестьянство<sup>14</sup>, рабочий класс и интеллигенция (квалифицированные специалисты). Сменивший их прекариат<sup>15</sup> субъектом политики является только в том смысле, что теоретически способен устроить массовые беспорядки, на законодательство и практику его применения он серьезного влияния не оказывает.

Нужно понимать, что для большей части населения России характерна нездоровая бедность, неспособность удовлетворения первичных жизненных потребностей. В итоге невозможности выживания в рамках постулируемой системы целей (благополучная обеспеченная семья) и средств их достижения (законных) получают аномию<sup>16</sup> и девиантное поведение<sup>17</sup> в виде

<sup>14</sup> Для ведения товарного крестьянского хозяйства нужно не менее 30—50 га земли и солидный стартовый капитал, предоставление с этой целью мизерных участков (например, при создании крестьянских хозяйств уволенным из Вооруженных Сил военнослужащим в 1990-е выделяли по 0.5 га) — это разбазаривание земли. В этом плане вредной представляется и идея предоставления небольших (1 га) земельных участков на Дальнем Востоке. Такой участок может быть полезен для отдыха состоятельного человека, способного оплатить (самостоятельно или за счет государства) перелет в два конца. Никакой пользы для сельского хозяйства от этого быть не может, только вред, экономический (разбазаривание земли) и экологический. Необходимая после развала совхозов и колхозов аграрная реформа так и не была проведена в России, вся реформа свелась к их развалу.

<sup>15</sup> См.: *Standing G.* The Precariat. The New Dangerous Class. London — New York, 2011.

<sup>16</sup> Аномия в нашем обществе столь глубокая, что скандальный тезис Э. Дюркгейма приобретает почти осязаемое воплощение: “Преступность, следовательно, необходима; она переплетена с фундаментальными условиями общественной жизни и по этой самой причине она полезна, поскольку эти условия, частью которых она является, сами по себе необходимы для нормальной эволюции морали и права” (*Durkheim É.* Les règles de la méthode sociologique. Chicoutimi, Québec, 2002. P. 46). Пример: массовый крах банков в 1998 г. не повлек, казалось бы, неизбежных проблем со снабжением городов продовольствием. Сработала «теневая» экономика, в частности ликвидированные ныне “дикие” муниципальные рынки, ворочавшие «черным налом», как оказалось, в огромных масштабах. Лучше иметь «теневую» экономику, чем не иметь никакой.

<sup>17</sup> См.: *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.

инновации (практически полностью противоправной, в значительной степени — криминальной, гении рождаются редко) и ретретизма (самоубийство быстрое или медленное, наркомания и алкоголизм)<sup>18</sup>.

Одна из ключевых социально-экономических проблем — жилищная. Реальный прожиточный минимум включает рыночную цену жилища. Власть этого не учитывает. Такие расходы в заработную плату и социальное обеспечение не заложены. Тот факт, что в СССР государство обеспечивало людей жильем, ныне не может определять социально-экономическую политику. Государство и работодатели россиян жильем больше не обеспечивают. Советское жилье обесценилось на большей части страны, где нет работы с разумной заработной платой. Кроме того, советское жилье разрушается. И очевидно, что благополучные семьи (растущие) не могут плодиться в одной квартире. Советское жилье — приемлемое условие существования для пенсионеров и близких к пенсионному возрасту людей, которые рассчитывают на то, что умрут до того, как их жилище разрушится. Это не норма, а отклонение от нормы. Норма — когда стоимость коммерческого найма или ипотеки заложена в потребительскую корзину и учитывается в социально-экономической политике.

На сегодняшний день единственным политическим классом в России являются служилые люди. Очевидна неблагоприятная стратификация и в рамках этой социальной группы. Рядовой чиновник в рамках официальной системы распределения низведен практически на уровень прекариата. При этом он имеет возможность “монетизировать” властные полномочия, что и делает для удовлетворения собственных потребностей, в том числе потребностей своей семьи, умножая притом самом аномию<sup>19</sup>. Благодаря

этому чиновнику удастся повысить социальный статус, обособиться от прекариата и избежать ретретизма.

Реальным субъектом уголовной политики в России является верхушка бюрократии и аффилированного с бюрократией бизнеса (в том числе в сфере науки, образования, развлечений и массовой информации). Именно его интерес в этой политике реализуется.

Определенное влияние на политику могут оказать ввиду их массовости пенсионеры, а также наиболее активные из “инноваторов” и “ретретистов”. Но эти категории населения лишены творческой энергии и политического ресурса. Они не могут контролировать политику, их влияние на политику — косвенное, оно проявляется, когда субъект уголовной политики принимает те или иные решения в целях воздействия на массовое сознание.

Определившись с субъектом политики, важно уяснить существо интереса, эту политику определяющего. К. Маркс очень точно его охарактеризовал: «Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с “реальными” целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи или канцелярские

---

постепенно превратилась в форму конформизма. Нередко чиновник просто не может не извлекать коррупционную выгоду, она необходима ему для уплаты коррупционного «налога» вышестоящему начальству, после чего должны остаться средства на удовлетворение собственных потребностей (в том числе — потребностей семьи). В такой ситуации создается система социальных норм, отличных от официальных, и основанная на этом субкультура. “Текущая мораль способствует адаптации людей к усложняющейся социокультурной динамике” (см.: *Кравченко С.А. Социологическая диагностика сложного социума // IV очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. С. 112*). Чиновник знает, за что можно брать взятки, за что — нельзя; знает меру, вырабатывает своеобразную нормативную систему, пригодную к практическому применению. Представляется, пользу чиновника для общества нельзя переоценивать. Бюрократия не может составить социальную основу здорового общества. Проблеме с коррупцией и прочими вредными проявлениями бюрократии нельзя решить без радикального роста денежного содержания чиновников с не менее радикальным сокращением их количества. Решить ее не просто, сокращение армии чиновников возможно только с адекватными мерами их социальной адаптации (например, наделением земельными участками, реально пригодными для ведения крестьянского хозяйства).

<sup>18</sup> Нездоровая бедность — главная причина преступности, пьянства и наркомании в современной России. Когда общество лишает человека средств к существованию, алкоголь и наркотики — лишь анестезия, а не причина смерти. Человек, поставленный в ситуацию, когда он не может обеспечить удовлетворение необходимых потребностей законными способами, отказывается либо от законных способов (ворует и берет взятки, чтобы содержать семью), либо и от постулируемых обществом целей (выбирает самоубийство, наркотики, алкоголь). Ретретизм рождает, в свою очередь, не только корыстные преступления. Человек, который не ценит свою жизнь, не ценит и жизни других людей. Отсюда и пьянство за рулем, и жестокие бытовые убийства.

<sup>19</sup> Нездоровая ситуация с коррупцией в России длится так долго, что нельзя однозначно рассматривать в качестве ее девиации. Эта коррупция не инновационная, она

задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить»<sup>20</sup>.

Таким образом, налицо клубок взаимосвязанных проблем: нездоровая бедность порождает аномию и диктатуру бюрократии. В свою очередь, диктатура бюрократии позволяет сохранить видимость разумного общественного порядка, не позволяя аномии реализоваться в мятеже и массовых беспорядках. Но она не в состоянии противостоять инновации в форме преступности и ретретизму, высокий уровень которых нельзя существенным образом снизить мерами уголовно-политического воздействия.

Изучение текущего законодательства и практики его применения позволяет выявить основные направления уголовной политики в современной России:

- 1) сохранение и укрепление власти;
- 2) усиление репрессии и расширение полномочий полиции;
- 3) гуманизация уголовного права;
- 4) использование уголовной политики в целях воздействия на общественное мнение.

Задача *сохранения и укрепления власти* решается в основном за рамками уголовной политики. Тем не менее уголовная политика призвана содействовать решению и этой задачи, что выражается в:

- а) усилении борьбы с терроризмом;
- б) усилении борьбы с экстремизмом;
- в) криминализации нарушений законодательства о манифестациях;
- г) криминализации деяний, связанных с «иностранными агентами» и контрабандой денежных средств<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955. С. 271.

<sup>21</sup> Федеральным законом от 20 июня 2012 г. УК дополнен ст. 330<sup>1</sup>, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента; Федеральным законом от 28 июня 2013 г. УК дополнен ст. 200<sup>1</sup>, предусматривающей ответственность за контрабанду денег, в том числе и при их ввозе. Эти законы, очевидно, не являются эффективным средством решения проблемы. Они создают видимость ее решения, что само по себе вредно, так как проблема остается нерешенной. С одной стороны, лес не срублен (конечно же, пресечь финансирование «оппозиции» из-за рубежа этими запретами нельзя, просто денежные потоки уйдут в тень и выйдут тем самым из-под контроля государства), с другой — щепки довольно весомые (известные проблемы с благотворительными фондами, подрыв авторитета власти).

Усиление борьбы с терроризмом свелось в основном к законам, устанавливающим и усиливающим ответственность за содействие терроризму и террористическим организациям<sup>22</sup>. Целесообразность их небесспорна. Террористы преследуют политические интересы, которые разделяются довольно большими социальными группами. Многие представители этих групп, одобряя политические цели террористов, не готовы к непосредственному участию в терроризме, так как испытывают естественное отвращение к убийствам, самоубийствам и т.п. Послать короткое сообщение на короткий номер мобильной связи, перевести небольшую сумму в поддержку террористической организации, помочь конкретному террористу (например, родственнику, другу) — подобные деяния нельзя приравнивать к реальному участию в террористических актах. Стигматизация лиц, совершающих такие деяния, в качестве террористов, совершивших особо тяжкие преступления, — это не борьба с терроризмом, а помощь террористам в вербовке кадров.

Начиная с 2002 г. в УК формируется блок норм о преступлениях экстремистской направленности. Эти нормы, к сожалению, направлены на избирательное применение, поскольку признаки «экстремистской направленности» определены очень широко через мотив, в том числе мотив «политической вражды» и вражды в отношении какой-либо «социальной группы». Если «норма» применяется или не применяется сугубо по усмотрению властей, это уже не норма, а проявление аномии, эту аномию усугубляющее. Экстремистским сообществом, к примеру, можно признать практически любого организованного политического оппонента. Ведь политика изначально предполагает не только дружеские, но и враждебные действия в отношении конкурента<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> Прочие изменения закона незначительны. Например, пожизненное лишение свободы за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку, могло быть назначено и до вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2008 г., причем содеянное подлежало квалификации по совокупности преступлений с нормой об убийстве. Критику этих норм см.: Парог А. И. Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.).

<sup>23</sup> По существу, уголовная политика в этой области утрачивает правовой характер. С одной стороны, «прямое действие стало узаконенным» (см.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 326), с другой — неправовое решение призван принимать судья, что развращает правосудие, подрывает авторитет судебной власти и права, как такового. Подчас судебные решения создают непосредственную угрозу общественной

Новый этап: криминализация нарушений, связанных с проведением манифестаций, не имеющих экстремистской направленности. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. установил уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения манифестаций и собраний. Закон этот (с учетом его бланкетной диспозиции) представляется чрезмерно суровым<sup>24</sup>. Нужно понимать, что уголовный закон не является адекватным средством борьбы за власть, преследование оппозиции только увеличивает ее популярность, особенно среди молодежи. С учетом враждебного внешнего окружения это может привести к массовым беспорядкам и общественному бедствию, как это уже имело место в 1917 и 1991 гг.

Реальное средство борьбы против аномии, в том числе и в форме мятежа, — это разумная, ориентированная в интересах общества социально-экономическая политика. К сожалению, наша бюрократия не всегда понимает это. В 2014 г. автору этих строк довелось на высоком уровне (под председательством федерального министра) участвовать в обсуждении проблемы коррупции в сфере образования. Казалось бы, причина известна. Позиция чиновника: ленивый, невоспитанный народ не желает учиться, хочет покупать дипломы. Меры борьбы, с точки зрения власти: народ нужно воспитывать. Средства: социальная реклама, телевидение, показательные процессы и т.п. Тезис: народ плохой, бюрократия должна его воспитывать — это губительный тезис. Запретительные и воспитательные меры не могут заменить разумную социально-экономическую

и государственной безопасности. Так, 17 сентября 2013 г. Октябрьский районный суд г. Новороссийска признал русский перевод Корана экстремистским материалом (дело № 2—3649/2013). Здравый смысл возобладав, вышестоящая судебная инстанция отменила это решение.

<sup>24</sup> Действующий закон запрещает гражданам свободно собираться для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов даже в собственных и арендованных помещениях. «Проведение публичного мероприятия вне специально отведенных мест допускается только после согласования с органом исполнительной власти... или... местного самоуправления» (ст. 8 Федерального закона от 19 июня 2004 г.) (в ред. Федерального закона от 8 июня 2012 г.). Пикетирование (кроме пикетирования, проводимого одним участником) допускается только на основании «предварительного» уведомления (на деле — разрешения) властей. Если в пикетировании участвуют несколько человек — расстояние между ними должно быть не менее установленного властями субъекта Федерации (50 м., если эти власти не установят меньшее расстояние). Если кто-то подошел к пикетчику — это уже не пикетирование, «проводимое одним участником», а наказуемое деяние.

политику. Многочисленные бюрократические решения и недоработки в этом плане, выражающие неуважение к народу: ограничение оборота алкоголя, табака, его курения, практически открытое распространение дешевых синтетических наркотиков, опасных для жизни, повсеместные платные парковки, разрушенные мелкие магазинчики и рынки в угоду сетевой торговле, реформа образования, успешное лоббирование интересов банкиров и страховщиков, огромные расходы на фоне нездоровой бедности населения на сомнительные стройки, праздники, спортивные мероприятия, оплату труда менеджеров государственных учреждений и предприятий, хозяйственных обществ, контролируемых государством, и т.п. — все это влечет рост аномии и в итоге создает угрозу общественной и государственной безопасности. Уважение к власти возможно только на началах взаимности<sup>25</sup>. Если ничего нельзя — можно все, люди учатся нарушать и обходить закон.

С инициативами усиления репрессии<sup>26</sup> и расширения полномочий полиции<sup>27</sup> выступают, как правило, правоохранительные органы и ученые (нередко служащие в этих органах), знакомые с высоким уровнем преступности в современной России<sup>28</sup>. Тенденция эта в России реализуется, как правило, в виде ограниченных во времени кампаний, «крестовых походов», призванных решить проблемы быстро и надолго. Эти кампании могут сопровождаться изменением закона (кампании против наркотиков, педофилов, коррупции и др.). Иногда мероприятие проходит на уровне исполнительной власти и правоприменения (например, борьба с «оборотнями

<sup>25</sup> «Эффективность власти заключается в ее способности действенно и оперативно решать возникающие социальные и другие проблемы, защищать насущные, «естественные» права граждан (и потому неотъемлемые, неотчуждаемые государством никогда и ни при каких обстоятельствах) на жизнь, свободу, независимость и честь (первейшая обязанность!)» [Тощенко, 2003: 305].

<sup>26</sup> См.: Рапог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2014. № 3.

<sup>27</sup> См., например: Проект федерального закона № 831 609-6 «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу ФС РФ 6 июля 2015 г.

<sup>28</sup> Сравнивая уровень преступности в России с уровнем преступности в экономически развитых странах, следует учитывать, что в России не регистрируются в качестве преступлений мелкие хищения и иные административные правонарушения, которые учитываются в рамках уголовной статистики практически во всех экономически развитых странах. Поэтому наиболее достоверные результаты дает сравнение статистических данных по убийствам. Полной регистрации убийств можно избежать, регистрируя убитых как самоубийц, жертв несчастных случаев, без вести пропавших. Но и в этом случае статистика весьма удручающая.

в погонах”, кампания по борьбе с расхищением бюджетных средств).

Нередко на главных направлениях борьбы с преступностью формируются специализированные полицейские и следственные подразделения, что в долгосрочном плане представляется неправильным управленческим решением.

Предположим, подразделение наркоконтроля (ныне интегрированного в МВД России) пресекло оборот наркотиков на вверенной территории. В результате у вышестоящего руководства на основании статистики складывается негативное мнение о его работе, ведь соседи выявляют и раскрывают больше преступлений. В таких условиях подразделение заинтересовано не в реальном подавлении преступности, а в его имитации. Сети торговли наркотиками продолжают свою работу, нередко сотрудничая с полицией, помогая ей “делать статистику”.

Пример. Полиция на основании предоставленной агентом (тем же наркоторговцем) информации задерживает наркомана, приобретшего дозу “спайса” (например, смеси ромашки с JWH-018). Часть 2 ст. 228 УК (приобретение в крупном размере без цели сбыта) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет (крупный размер считается от 0.05 г и определяется по весу всей смеси, а не по активному компоненту). Раскрыто тяжкое преступление.

Требуют раскрыть сбыт. Следующий шаг — задержанному наркоману объясняют, что согласно примечанию к ст. 228 УК ему могут оформить добровольную сдачу наркотика. Он будет освобожден от ответственности, если поможет изобличить сбытчика. Ему угрожают арестом и обещают отпустить домой в случае согласия на сотрудничество. Ему разъясняют несправедливость ситуации: когда он будет отбывать наказание, “наркотики” будут процветать за счет отравления таких же несчастных, как он. В итоге наркоман соглашается на сотрудничество и называет продавца. Сопротивление сломлено, человек принял роль “стукача”, обратного пути нет. Далее ему сообщают, что названный продавец уже известен полиции и скоро будет задержан без его помощи. Требуют назвать другого сбытчика. В итоге наркоман вспоминает, что его знакомый (такой же наркоман) угощал его “спайсом”. Это — информация о сбыте наркотика, основание для постановления о контрольной закупке. Задача задержанного наркомана — убедить приятеля купить для него наркотик, хотя бы одну дозу того же “спайса”. В момент передачи наркотика приятеля задерживают — п. “г” ч. 3 ст. 228<sup>1</sup> УК (сбыт

в крупном размере) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Раскрыто особо тяжкое преступление.

При этом прибыльная торговля продолжается, и естественным образом встает вопрос о распределении прибыли. После решения этого вопроса закономерно ставить вопрос о ее увеличении. В итоге наркотиками торгуют почти открыто, любой наркоман в незнакомом городе может за несколько часов найти зелье. Полиция эти “точки” не замечает.

Растут анония и коррупция в правоохранительных органах, что затрагивает не только наркоконтроль. Научившийся имитировать борьбу с преступностью чиновник, утратив моральные принципы, ищет жертву среди людей уважаемых и состоятельных, чтобы поживиться за их счет. При этом суровость некоторых законов чрезмерная, что становится очевидным на конкретных примерах, особенно в ситуациях, когда жертвой сурового закона становятся близкие люди. Здоровому человеку свойственно сострадание и любовь к ближнему, что и является движущей силой гуманизации уголовного права.

Одно из главных направлений “гуманизации” уголовного права — защита бизнеса от давления полиции. Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. УК был дополнен ст. 159<sup>4</sup>, в которой предусмотрено в качестве смягчающего обстоятельства при мошенничестве совершение деяния “с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности”<sup>29</sup>. В случае хищения предпринимателем у потребителя 5 млн рублей — самое строгое наказание при отсутствии судимости иотягчающих обстоятельств могло быть назначено в виде штрафа в размере 1 млн рублей (ч. 2 ст. 159<sup>4</sup> УК)<sup>30</sup>. Если при тех же обстоятельствах деяние совершил потребитель, лишение свободы может быть назначено на срок до 10 лет (ч. 4 ст. 159 УК).

Обе тенденции, как тенденция к ужесточению уголовной политики, так и тенденция к “гуманизации”,

<sup>29</sup> Эта статья признана неконституционной Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. и утратила силу.

<sup>30</sup> Предусмотренные ч. 2 ст. 159<sup>4</sup> УК альтернативные штрафу наказания в виде принудительных работ и лишения свободы не могли применяться. Первое — не введено в действие (ст. 8 Федерального закона от 7 декабря 2011 г.). Второе — не может быть назначено лицу, не имеющему судимости, так как преступление небольшой тяжести (п. 10 ст. 1 того же Закона, ст. 56 УК). Очевидно, законодатель не смог отследить многочисленных изменений в Законе, им же самим внесенных, грамотный специалист в области уголовного права над этим Законом не работал.



лишены необходимого научного обеспечения (социологического, криминологического, уголовно-правового). Как ужесточение законов, так и их “гуманизация”, любое их изменение — это зло, если иное убедительно научно не обосновано. Уголовный закон — плод многовекового развития, культурная ценность, требующая бережного к себе отношения. Он несовершенен, но только высококвалифицированный юрист-специалист может выявить его несовершенства и исправить их. Надо сказать, что это очень и очень сложная работа<sup>31</sup>.

*Использование уголовной политики в целях воздействия на общественное мнение* правомерно, поскольку это согласуется с принципами уголовного права, его задачами и нормами морали. К сожалению, иногда уголовное право и уголовные дела используются не по назначению с целью манипулирования общественным сознанием (чтобы повысить рейтинг политика, создать образ врага, объединить народ или

запугать его): кампания против педофилов<sup>32</sup>, громкие дела в отношении чиновников и олигархов, запугивание населения угрозами, связанными с терроризмом и экстремизмом.

Уголовный закон — слишком острый и опасный инструмент, который надо грамотно использовать только по назначению. Уголовное право и его применение не должны развращать общество, пробуждая зависть, ненависть, садистские и иные низменные побуждения. Напротив, оно должно воспитывать народ в контексте нравственных ценностей. Культивирование жестокости рождает насилие и умножает аномию.

Очевидны проблемы как в формировании, так и в реализации уголовной политики, как на уровне законодательства, так и на уровне применения права. Корни проблемы — в отказе от адекватного ее научного сопровождения<sup>33</sup>. Основные причины этого:

нежелание слушать возражения<sup>34</sup>;

<sup>31</sup> Пример: в порядке “гуманизации” Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. запрещено назначать лишение свободы за преступления небольшой тяжести. Гражданин в драке ударил студента, студент упал и ударился головой об асфальт, от полученной травмы умер. Суд правильно квалифицирует деяние по ч. 1 ст. 109 и назначает самое строгое наказание, которое может быть назначено, — 2 года ограничения свободы. Общественность возмущена. Так по мере снижения качества законов в общественном сознании укрепляется недоверие к правосудию. Другой, более свежий пример: молодой спортивный парень Н. напал на пожилую семью, подбежал к потерпевшему К. “и нанес удар в область спины. К. потерял равновесие и упал на цементированную дорожку левым коленом, после чего Н. нанес К. удар по спине и навалился на него сверху, прижав своим коленом К. к цементированной дорожке и, схватив руками голову К., нанес несколько ударов лицом последнего о цементированную дорожку”. Супруга пошла на выручку мужу, Н. ударил ее в области колена — внутрисуставный перелом. Следствие вменило нападавшему два эпизода умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по ч. 1 ст. 111 УК (у супруга — неизгладимое обезображивание лица и расстройство психики, у супруги — опасный перелом). Суд правильно не счел неизгладимое повреждение «обезображиванием» и усомнился в причинной связи между вредом здоровью и расстройством психики, переквалифицировав содеянное на ч. 1 ст. 115 УК (легкий вред). По второму эпизоду не было ясности, является перелом следствием удара кулаком или следствием падения от этого удара. Поскольку устранить сомнения было нельзя, содеянное квалифицировано как причинение тяжкого вреда по неосторожности (ч. 1 ст. 118 УК). Оба преступления — небольшой тяжести. Закон не позволил назначить лишение свободы, даже краткосрочное. Областной суд, рассмотрев жалобу потерпевших на приговор, правильно признал его законным и обоснованным, после чего освободил осужденного от наказания по амнистии (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тамбовского областного суда от 18 июня 2015 г. по делу № 22—758/2015). Полагаю, сложно назвать гуманным закон, позволяющий безнаказанно издеваться над людьми.

<sup>32</sup> Пример: Большемуртинский районный суд Красноярского края в постановлении от 15 марта 2013 г. сделал вывод, что действия отца, который “дважды подходил к сидящей за компьютерным столом дочери (11-летней) и через одежду трогал ее руками за интимные части тела — груди” (т.е. обнимал), подлежат квалификации по ч. 4 ст. 132 УК (насильственные действия сексуального характера в отношении малолетней, наказание — лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, возможна химическая кастрация). Постановление оставлено в силе судом 2-й инстанции.

<sup>33</sup> Яркий пример отношения бюрократии к правотворчеству — ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) “бакалавр”), утвержденный Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 мая 2010 г. № 464, в котором прямо сказано, что нормотворчеством может заниматься любой бакалавр, окончивший курс на тройки. Этот пункт требуют включать и в рабочие программы, в том числе и по уголовному праву.

<sup>34</sup> Иногда желание уйти от научной критики реализуется инновационными путями, например, карательные по существу (строгости) меры вводятся за рамками уголовного закона (огромные штрафы и обязательные работы в виде административных санкций, пожизненный запрет на любую работу в широком секторе экономики для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, в том числе и по неосторожности). Так, например, подравшимся и помирившимся (дело по ч. 1 ст. 116 УК прекращено за примирением без приговора) 16-летним мальчишкам по общему правилу пожизненно запрещены не только многие виды государственной службы, педагогическая деятельность, но и любая работа в сферах образования, здравоохранения, культуры и др., даже уборщиками в кинотеатре они работать не вправе. Более того, в процессе реализации этого и других сходных законов изменился формат справки о судимости. Теперь в ИЦ МВД без ограничения срока хранится и предоставляется по запросам информация о всех судимостях (в том числе и погашенных) и о фактах прекращения дел по нереабилитирующим основаниям. Человек становится изгоем, что препятствует ресоциализации и является фактором роста преступности.

недоверие к компетентности специалистов (которая действительно падает по мере реформирования образования и науки);

чрезмерное доверие к мнениям практических и научных работников, проводящих ведомственные бюрократические интересы, солидарность бюрократии;

кажущаяся простота уголовных законов в сравнении, например, с объемным и сложным гражданским законодательством;

уголовное наказание тесно связано с насилием, поэтому правотворчество в этой области нередко привлекает людей агрессивных, иногда страдающих садомазохизмом и иными личностными расстройствами, сочинение уголовных законов доставляет им удовольствие;

бюрократизация парламента.

Парламент из “говорильни”<sup>35</sup> (народного представительства) превратился в бюрократическое учреждение (фабрику законопроектов). Депутатам внушили, что их социальная роль выражается не в политической работе (формировании политической воли, обсуждении и утверждении бюджета, контроле за чиновниками, голосовании не только “за”, но и “против” законопроектов, обеспечении обратной связи), а в производстве законов. Эффективность работы парламента, его комиссий стали оценивать по количеству принятых законов. Заработала система, которая на юридическом арго получила наименование “бешеный принтер”, принимается огромное количество законов низкого качества.

Такое понимание роли парламента представляется, мягко говоря, неправильным. Правовой политике и правотворчеству целесообразно вернуть научное обоснование, в том числе и в области

уголовного права. Позитивный пример — Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ. Но более удачной представляется иная модель — действующая на постоянной и профессиональной основе комиссия по кодификации права (совет по кодификации права, включающий комиссию по кодификации частного права, комиссию по систематизации публичного права и комиссию по кодификации уголовного права и процесса). Это могло бы быть независимое учреждение, состоящее из авторитетных экспертов-специалистов, отслеживающих состояние права, разрабатывающих законопроекты и осуществляющих экспертизу законопроектов на научной основе. В качестве примера можно привести Комиссию по праву для Англии и Уэльса<sup>36</sup>. Финансируется она за счет средств Министерства юстиции, но сохраняет при этом независимость от исполнительной власти. В состав комиссии входят эксперты, специалисты в области права, задача которых — отслеживать состояние права и давать парламенту рекомендации по его совершенствованию.

Казалось бы, наивно ожидать от бюрократии, что она примет и реализует решения, которые приведут к ее самоограничению. Тем не менее надежда на это имеется. Наш народ веками жил при бюрократическом правлении и создал сильное государство и общество с достойным уровнем жизни и высокой культурой, во многом благодаря тому, что бюрократия наша была грамотна, нравственно культурна и ответственна. Другого выбора нет в ближайшей исторической перспективе, программа Екатерины II “о среднем роде людей”, “от которого государство много добра ожидает”<sup>37</sup>, пока не реализована.

<sup>36</sup> См.: Law Commission Act 1965.

<sup>37</sup> Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVIII. СПб., 1830. С. 259.

<sup>35</sup> Французское *parlement*, от *parler* — говорить.